

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.4

Л. Н. КИБАРДИНА

Омский государственный
технический университет

ИНДИВИДУАЛИЗМ, КОЛЛЕКТИВИЗМ И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье проводится анализ концепций индивидуализма и коллективизма как типов социальной ментальности, определяющих идеологические тенденции модернизирующегося российского общества, их пересечение и взаимосвязь в социальных отношениях равенства-неравенства, перспективы интеграции гражданского общества и социального государства.

Ключевые слова: индивидуализм, коллективизм, модернизация, социальное государство, социальная политика, идеология.

В настоящее время весьма актуальной представляется дискуссия в научных, политических и общественных кругах о состоянии специфики российской ментальности в связи с причудливым сочетанием в сознании населения элементов коллективистских и индивидуалистских тенденций, представлений о границах частной жизни, благе личности и общества. Особенности общественного сознания россиян связывают с православием, с наследием прошлого, с историческими традициями, с геополитическим положением страны, с особенностями ускоренной модернизации и т.д. Именно вопросы соотношения «индивидуалистских» и «коллективистских» ценностей, представления населения о роли государства и причинах его ослабления или усиления, выступают наиболее

существенными в связи с перспективами становления гражданского общества в России.

Весь пафос социально-экономических преобразований, проводимых в России в течение последних двадцати лет, был связан «с благородным стремлением создать процветающее свободное общество, в котором личность располагает широкими возможностями для самореализации. И делать это предполагалось за счет снятия административных запретов, раскрепощения личной инициативы, расширения участия граждан в принятии наиболее важных для страны решений» [1]. Но надежды на то, что рыночные реформы и демократия довольно быстро приведут к всеобщему благоденствию, что население страны воспримет постулаты либеральной идеологии, полностью обустро-

ит свою жизнь «по-новому», сформируется развитое гражданское общество, не оправдались.

Поздняя и ускоренная модернизация, при которой стремительные изменения происходят в течение жизни всего лишь одного поколения, создала в России совсем иную атмосферу. Экономические, моральные и социальные издержки изменений оказались слишком высоки. При этом в постперестроечные годы социально-экономических реформ создалось стойкое недоверие к государству, не способному эффективно распоряжаться собственностью, осуществлять государственный контроль над доходами, формировать адекватную потребностям времени и социальных слоев социальную политику, перераспределять ресурсы с целью сохранения в обществе обособленного баланса социального равенства-неравенства, не допуская поляризации в доходах населения.

Ученые отмечают, что в ментальности россиян выражено стремление к контролю и регламентации. Несмотря на высказываемое недоверие к государству, государственный контроль выглядит в глазах граждан предпочтительнее свободной конкуренции и рынка; ценности свободы оказываются ниже ценностей стабильного существования; проявляется склонность к коллективности, уравнительному толкованию справедливости [2]. Это связано с тем, что в прошлом Россия в силу преобладающей коллективистской идеологии оказалась изолированной от влияния западного общества. Однако в процессе быстрой индустриализации и урбанизации она обнаруживала и в советское время некоторые формы современного индивидуализма, который приходил в конфликт с вмешательством государства в экономическую, культурную и частную жизнь общества.

В настоящее время доверие к традиционным социальным институтам, в том числе к государству и партиям, перестало падать и даже начало расти, хотя иногда государственные организации воспринимаются как препятствия для социального и экономического развития личности. Инициаторы реформ 90-х гг. надеялись, что общество быстро выйдет из ситуации, когда все были одинаково бедны, и обретет благополучие, хотя не для всех в одинаковой мере. На деле же оказалось, что вместо желанного быстрого роста возможностей для каждого, у большинства жителей России такие возможности сузились. Вместо «возникновения условий для нового, высшего качества устойчивого развития личности в большинстве случаев в последние годы налицо личная и групповая деградация, деструкция человеческого капитала» [1].

Возникает вопрос, каким же образом можно примирить в обществе сосуществование коллективизма как стремления людей к уравнительности и ограничению индивидуализма как стремления к самореализации и свободе? Здесь важное значение приобретает принцип социального равенства, который исследовал еще П. Сорокин. Он ставил вопрос, что такое само социальное равенство, каково его содержание и основные формы? Для этого он обращается к «Анти-Дюрингу» Энгельса [3]. П. Сорокин исследовал, может ли социализм мыслить социальное равенство только в смысле равенства экономического, или же возможны и другие виды равенства — интеллектуальное и моральное?

Он дает положительный ответ. «Несомненно, понятие социального равенства было бы очень узко, если бы оно означало только требование экономического уравнивания. Ценности знания, ценности добра, ценности прав — политических, гражданских и т.д. современным человечеством ценятся не меньше, чем

ценности экономические. Поскольку человечество борется за равномерное распределение благ экономических, оно не в меньшей степени боролось, борется и должно бороться и за равномерное распределение благ интеллектуально-моральных» [4].

Сорокин доказывал, что понятие равенства не выглядит утопией, поскольку вряд ли кто может оспаривать осуществимость правового и политического равенства, которое превратилось в факт: «История неуклонно осуществляет начало правового и политического равенства всех граждан, стремящегося превратиться в равенство всех людей... С того времени стали трюизмами... такие практические истины политико-правового равенства, как падение сословных привилегий, равенство всех граждан перед судом, право каждого гражданина избирать и быть избираемым..., отмена монополий на занятия публичных должностей, постепенное уничтожение неравенства в сфере религий, в области национальных ограничений, равное право каждого на свободу слова, печати, союзов, собраний, совести, неприкосновенность личности и т.д.» [4].

История XIX и XX вв. подтверждает сказанное. Эти века наполнены борьбой за равномерное распределение благ как правовых, так и моральных (борьба за политическое и избирательное право, право собраний, слова, печати, союзов, за равенство перед законом, борьба против правовых привилегий и т.д.); а также борьбой за равенство интеллектуальных благ (всеобщее бесплатное обучение, свободные школы, за доступную науку, литературу и т.д.). Сорокин отмечает, что «человечество боролось за эти ценности не только как за средство доступа к имущественным благам, но и как за самоценности», что в обществе, состоящем из умных и невежд, «всегда дана почва для эксплуатации одних другими, для хитроумного угнетения первыми последних, всегда дана почва для всяких авантюристов и явных или скрытых тираний, как экономических, так и всяких других» [4].

Рассматривая равенство экономическое, он приходит к выводу, что оно как один из видов социального равенства так же осуществимо и связано с все более равномерным распределением политико-правовых благ. П. Сорокин связывает реализацию всех видов социального равенства с превращением власти господствующей во власть социально-служебную, т.е. с исполнением государством публичной (социальной) функции подобного перераспределения. Понимаемое правильно равенство, по мнению Сорокина, наступит только тогда, когда «необходимая для него «социализация людей» достигнет надлежащего развития» [4]. По всей видимости, П. Сорокин подразумевал под «необходимой социализацией» такую степень интегрированности индивида в общество, когда устраняется противопоставление и отчуждение индивида и государства, а государство начинает осуществлять в полной мере свою социально-публичную функцию.

На этот же момент — на связь политико-правового равенства с экономическим, — указывал и К. Маркс. «Мы видим, что... природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно, и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь

получается антиномия, право противопоставляется праву, причем они в равной мере санкционируются законом товарооборота. При столкновении двух равных прав решает сила» [5].

Однако дальнейшее развитие капитализма показало, что, хотя сила — действительно важный фактор, наряду с ней есть и другие: «общество, право, новые производственные и технологические возможности, позволяющие поднять благосостояние значительной части трудящихся, эволюция новоевропейской личности в сторону законопослушности и склонности к компромиссу» [6]. Поставив вопрос о прибавочной стоимости с точки зрения прав человека, справедливости, К. Маркс открыл дорогу для изменения экономических отношений в направлении их адаптации к человеку и другим подсистемам общества. Право позволяет реализовать такие идеалы общества, как социальное равенство, свобода личности, справедливость, достойный уровень жизни и др., реализовать проекты социально ориентированной государственной политики.

Другая точка зрения на сочетание индивидуализма и коллективизма представлена в социолого-политологических исследованиях В. Парето, его анализе социально-политического развития стран Европы, в котором он проявил себя как сторонник свободного экономического развития, противник проведения политики экономического протекционизма, сторонник прав и свобод личности. Парето опубликовал ряд журнальных статей, в которых рассмотрел подъем социалистического движения в странах Западной Европы. В статьях Парето указывал на некую конвергенцию этатизма (рост государственных монополий и разбухание госаппарата) и социализма: «...Мы обращаем внимание на эволюцию обществ европейского континента... и на то, как прогрессирование этатизма и социализма проявилось и стало истинно впечатляющим... Центральная подготовка государственного социализма, а он открывает путь для народного социализма» [7].

Исследование социалистической ментальности как ментальности коллективизма В. Парето связывает с избавлением социальных наук от религиозной веры и метафизики, от субъективных пристрастий ученых, их выводом на твердую почву опытного знания и применением строгих логических методов анализа и проверки фактов. Исследователь, по его мнению, в ходе работы с историческими фактами должен «очищать» их от субъективных привнесений. В. Парето полагал, что проекты социалистического переустройства общества представляют собой абстрактно-спекулятивные и утопические построения, которые могут иметь катастрофические последствия, связанные с нарушениями равновесия в широком смысле слова (расстройством и упадком производственной и распределительной систем, падение жизненного уровня населения, снижение рождаемости и т.д.).

На его взгляд, было бы ошибкой связывать социальную несправедливость со стороны властей исключительно с особенностями общественного строя, с политическим режимом или с плохими законами. В. Парето уточняет, что вообще без частной собственности обойтись невозможно, и речь может идти о социализме в ограниченном смысле, поскольку собственность остается по-прежнему частной и дело сводится к ее государственному перераспределению. Он называет этот социализм «буржуазным» и считает, что в этом случае формируется беспринципная и демагогичная олигархия, происходит рост государственных и негосударственных монополий, что приводит к патернализму, к политической коррупции, в совокупности препятствуя развитию производства [8].

В. Парето уточняет, что в марксизме под экспроприацией экспроприаторов понимается не истребление частного капитала как такового, а преобразование его в коллективный капитал (правда, при этом он выражает немалый скептицизм в отношении осуществимости такого преобразования). В отличие от марксизма политика «государственного социализма» ориентирована, считает он, только на нерациональное растраниживание капиталов, изъятых у богатых слоев общества, без восстановления капитала в коллективной форме. Под «буржуазным государственным социализмом» или «социализмом капиталистов и предпринимателей» В. Парето понимал то, что являлось корпоративным капитализмом и в социалистической литературе получило имя государственно-монополистического капитализма. Выступая за свободу научных выводов от ценностных суждений, логику и эмпиризм, он, тем не менее, стоял на либеральных позициях и защищал индивидуализм как принцип поведения в капиталистической системе.

Если социалисты утверждали, что смена капиталистического общественного строя на социалистический ведет к улучшению условий жизни абсолютного большинства населения, то В. Парето доказывал, что она означает только смену элит, т.е. он менее всего связывал улучшение жизни людей с деятельностью государства и развитием права. Он выражал интересы правящего класса и скептически относился к институту государства и его социально-распределительным функциям, считая любое государственное вмешательство опасным, т.к. оно может нарушить баланс в политической системе, привести к дисфункциям различных институтов и подсистем общества. «Заигрывание» с социалистическими идеями он понимал как сделку между рабочим движением и буржуазией, которая ищет лишь поддержку в своей политической борьбе: «Социализм упрощает организацию элит, рождающихся в низших классах и становящихся в нашу эпоху одним из лучших инструментов обучения этих классов» [9].

Исторический опыт показал, что социальный порядок, основанный только на коллективизме, как и предполагал В. Парето, не имеет перспектив развития и означает лишь смену политических форм без изменения содержания. Возникает закономерный вопрос: может ли быть устойчивым социальный порядок, основанный на индивидуализме? В этом контексте остаются современными идеи П. Сорокина о постепенном «выравнивании» социально-экономических позиций людей в развитых демократических странах, о преобладании коллективистских идей в условиях формирования гражданского общества, которое выступает интегрирующим фактором между индивидом и обществом. Актуальны и идеи К. Маркса о тенденциях развития права, которое ограничивает чрезмерные диспропорции и дисбалансы в производственной, распределительной и социальной сферах. Обобщая сказанное, К. Маркс видел источники развития социального государства в перспективах развития права и гражданского общества, П. Сорокин — в развитии идей коммунитаризма и всех видов социального равенства, В. Парето — в циркуляции и периодической смене элит.

Рост индивидуализма в российском обществе происходит в условиях, когда оно не готово к индивидуальной ответственности, социальные институты в них развиты вовсе не так сильно, как в западных демократиях, правовое государство находится в стадии своего становления, гражданское общество как система социальных отношений и автономная от государ-

ства сфера деятельности не сформировалась, а социальные функции государства недостаточно развиты, хотя в последнее время наметились положительные тенденции в сфере социальной политики. Вполне возможно, что современное российское общество от нестабильности социального порядка, управляемого коллективной рациональностью общенародных нужд и блага, движется к другому нестабильному социальному порядку, управляемому рациональностью индивидуальных нужд и блага.

Обычно в развитых демократических странах индивидуализм уравнивается развитой сетью организаций коллективного типа, которые реинтегрируют атомизированных индивидов. Коллективные связи — «необходимое условие для социальной интеграции даже в самых развитых обществах, т.е. стабильная индивидуализация требует личностной автономии и творчества в контексте удачно интегрированных социальных институтов» [1]. Институты гражданского общества так и не стали базой для интеграции российских граждан. Относительно новые организации не превратились в истинные субъекты социально-политического процесса. Социально-психологическое напряжение, риск, неопределенность, возникает вследствие непрозрачности, нестабильности и ненадежности крупных социальных институтов, находящихся в процессе трансформации.

Новые расширившиеся возможности для индивидуализации в России актуализируются с огромными трудностями, а само общество оказывается обществом риска. Интеллектуалы 90-х гг. усматривали в индивидуальной активности модернизацию идей гражданского общества, надеясь, что добровольные ассоциации в экономике, политике и культуре заменят формализованные организации государственного социализма. Однако этого не произошло. Если общества Западной Европы и Северной Америки основаны на институционализации меритократии, то для России характерно причудливое переплетение эгалитаристских и этатистских ценностей, с одной стороны, и индивидуалистических либерально-демократических ценностей — с другой.

Радикальные изменения в эпоху «перестройки» заставили многих пересмотреть идеи и ценности деревенской общины и социализма. Это порождает в постсоциалистическом российском обществе глубокую ценностно-нормативную неопределенность, которая усиливает риск политической апатии или деструктивного протеста. С одной стороны, уже сегодня заметен отказ населения от патерналистских представлений, согласно которым только государство может решить главные проблемы. С другой — в условиях неясных перспектив экономического роста, непоследовательности проводимых реформ, особое значение приобретает социальная функция государства. Развитие интегративных функций современного российского государства возможно. Необходимо восстановить доверие граждан к государству, выстроить обеспечиваемые им вертикальные и горизонтальные связи на основе теоретически разработанной и практически эффективной социальной политики.

После 2000 г. в России начался переходный период, который характеризуется такими положительными тенденциями в развитии социальной сферы, как повышение доходов населения, решение с помощью национальных программ различных социальных проблем: жилищной, демографической, здравоохранения, образования и т.д. Государство должно еще более активно вмешиваться в социальную жизнь, чтобы вновь обеспечить ту социальную интеграцию, которая ожи-

далась в самом начале реформ, стабилизировать социальный порядок, стимулируя вовлечение социальных слоев, общественных движений и организаций гражданского общества, профсоюзов в процессы социально-экономических изменений. Возможности развития социального государства связаны с политикой наиболее оптимального сочетания индивидуальных, групповых и коллективных интересов.

Проблема современного общества не в богатстве, а в правильной организации социальной, хозяйственной и экономической жизни, учитывающей как природу человеческих действий, так и в целом социальной действительности: различные виды прямого и непрямого вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь, налоги на наследство, прогрессивно-подходящий налог, растущая заработная плата, всевозможные формы страхования, роль общественных и государственных монополий, государственная регулировка и ограничение прибылей капиталистов, растущая сила трудовых классов и их требований, национальные программы социального развития — все эти факты отражают тенденции к осуществлению экономического равенства и эффективной социальной политики.

В решении поставленных задач огромную роль играют и общественные науки, которые призваны сформулировать общую концепцию, методологию, принципы, цели, комплексные программы и перспективы развития российского социального государства. Только четко сформулированная социальная политика, учитывающая интересы всех социальных слоев и классов, дает возможность преодолеть такие негативные явления, как длительная безработица, разрыв в доходах, неравенство в доступе к материальным и социальным ресурсам и т.д., вытекающие из них социальные противоречия и конфликты, обеспечить стабильность и устойчивость развития общества. В данном случае можно констатировать альтернативу: либо стабилизация политической и государственной интеграции, развитие социальной сферы и как следствие — гражданского общества, либо дальнейшая дезинтеграция, ухудшение качества жизни, социальные потрясения, деградация социального капитала, утрата легитимности власти, развал всей политической системы.

Библиографический список

1. Бутенко Л.А. Социальная интеграция — на какой базе она возможна? // СОЦИС. — 2000. — № 12. — С. 131, 133, 134 — 135.
2. ФОМ-Инфо. — 1999. — № 53.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 1 — 338.
4. Сорокин П. Социализм и социальное равенство // СОЦИС. — 2001. — № 4. — С. 105, 106, 108 — 109.
5. Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. Т. 23. — С. 246.
6. Розин В.М. Социальная оценка богатства и ее связь с концепцией социального действия // Общественные науки и современность. — 2004. — № 3. — С. 127.
7. Pareto V. Euvres completes. Tome IV. Libre-echangeisme, protectionisme et socialisme. Librairie DROZ, Geneve, 1965. P. 226.
8. Зотов А.А. Анализ социализма в творчестве В. Парето (работы 1898-1903 гг.) // СОЦИС. — 2001. — № 2. — С. 111.
9. Pareto V. Euvres completes. Tome V. Les systemes socialistes. Librairie DROZ, Geneve, 1965. P. 74.

КИБАРДИНА Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и политологии.

Статья поступила в редакцию 11.02.2009 г.

© А. Н. Кибардина

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ЭЛИТА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СООТНОШЕНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ

В статье осмысливаются, анализируются и сравниваются такие понятия, как интеллигенция, интеллектуалы и элита. Данная работа раскрывает не только семантическую близость и взаимозависимость вышеприведенных понятий, но и очерчивает их смысловые границы. Автор считает, что представители этих групп являются трансляторами высших культурных норм и ценностей, что, в свою очередь, способствует росту культурного уровня всего общества, его прогрессу.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, элита, общество, власть, знание.

Термин «интеллигенция» закрепился в России в 60-е годы XIX века [1]. Представление о ней изначально было своеобразным синонимом коллективной совести и просветительства. Впоследствии концепт интеллигенции стали связывать с критицизмом. Интеллигенция понималась как относительно сплоченная группа интеллектуально развитых людей, объединенных общей оппозиционностью по отношению к истеблишменту, власти. Интеллигент — человек высокой идеи, посвятивший себя заботам об общем деле, служению правде, истине, справедливости. Существует давняя традиция считать интеллигенцию исключительно русским феноменом. Макс Вебер писал на заре века, что данное понятие неприемлемо для западных стран, «это ситуация в самой России» [2]. Однако время показало, что интеллигенция должна существовать во всех модернизирующихся обществах, если смотреть на нее как на определенный ресурс модернизации (наставник, поводырь, учитель непроявленной массы).

Слово «интеллектуалы» вошло в словарь французского языка в 90-е годы XIX века. Понятие «интеллектуалы» определено профессиональным составом, они практически не спаяны между собой. Поэтому не единство станет предпосылкой их появления. Бесспорно, что интеллектуалы определяют процесс производства идей. Они могут быть в разных фазах отношений с обществом (отчуждение от него, отстранение, заинтересованный или конструктивный критицизм, когда критика становится нормой поведения; допускается также, что поведение интеллектуала может нести на себе следы политической или социальной ангажированности). Главный вопрос видится в том, какие концептуальные здания воздвигались на фундаментах этих определений.

Чаще всего субъект интеллектуальной элиты ассоциируется с таким понятием как «интеллигент». Насколько оправдано такое тождество? Прежде всего, обратимся к этимологии самого этого понятия. Так, например, для К. Манхейма понятия «интеллигенция» и «элита» равнозначны [3]. Он также утверждает, что проблема интеллигенции была, вероятно, впервые

поставлена в царской России, и ссылается при этом на работы П. А. Лаврова и Н. К. Михайловского [4]. Сам же термин «интеллигенция» был впервые употреблен М. Т. Цицероном в его трактате «О природе богов». Римский философ употреблял это слово в двух различных смыслах: как «разумность» и как «способность понимать» [5]. Нас интересует второй из смыслов, вкладываемых Цицероном в это слово: интеллигент — человек, способный самостоятельно понимать сущность природных и социальных проблем. У Гегеля это процесс самопознания теоретического духа; у Шеллинга — созидаящая и рефлексирующая способность; у П. А. Лаврова интеллигент — критически мыслящая личность. Он же утверждал, что этой «критически мыслящей личностью» может быть далеко не каждый образованный человек, среди которых немало и «дикарей высшей культуры». Русский историк П. Н. Милюков считал интеллигенцию «умом и цветом» народа. Наконец, в последнее время интеллигенцию стали понимать как особую социальную группу, которая является духовной элитой общества [6]. Главное отличие интеллигента состоит не в уровне его образования и специальной подготовки, а в его нравственном облике, его мировоззрении, его духовности. Поэтому интеллигенция — ценностное понятие. Здесь же стоит указать на то, что между понятиями «интеллектуалы» и «интеллигенция» есть существенное различие. Оно выражается в том, что первые исповедуют веру в чистое знание, не отягощенное религиозно-нравственными границами, а вторые выверяют свою профессиональную деятельность с моральными ограничениями, налагаемыми христианским учением [7].

Современные исследования в этой сфере утверждают, что понятие «интеллигент» включает в себя следующие качества: воспитанность, которая является результатом не только воспитания, но и самовоспитания; самообразование; высокие нравственные качества, тяга к творчеству [8]. По мнению А. Ф. Лосева, интеллигенту присущи: понимание индивидуальной жизни как сгустка общественно-исторических отношений; жизнь ради всеобщего благоденствия; стрем-

ление к ликвидации несовершенства жизни; превращение своей жизни в активный или потенциальный подвиг [9]. Таким образом, «воспитание», «самообразование», «высокая гражданская мораль», «творчество» — таковы основные «блоки», раскрывающие структуру интеллигентности.

Существует уже довольно много работ, указывающих на русское происхождение слова «интеллигенция» и его отличие от европейских понятий «*intelligenz*», «*intelligence*», (ум, способность к разумному пониманию, эрудиция) и «интеллектуал». Наше словопотребление сохраняет за понятием «интеллигенция» двойное значение. Сама его неопределенность оказывается чрезвычайно важной и функциональной, позволяя незаметным образом связывать различные социальные контексты и ситуации использования этого слова. С одной стороны, под ним подразумеваются «работники умственного труда», люди с высшим образованием, со степенями или званиями (так сказать, учетно-государственное понимание интеллигенции в соответствующих графах статистических справочников). С другой — под этим понимается совокупность людей, обладающих рядом трудно определенных нравственных, культурных («духовных») черт, характеризующих отношение человека к «народу» или, по меньшей мере, к другим людям: чувство гражданского долга, социальное неравнодушие, способность к состраданию, «духовность». Соединяющим моментом является аморфное сознание ценности образования, — отождествляемого с культурой, — государственный смысл которого (признаваемый впрочем, и образованным обществом) таков: образование и культура не самоцель, не самоценность и не индивидуальное достояние. Это — ресурс, предоставляемый «обществом» (в лице государства, то есть власти) человеку для наилучшего или, скорее, необходимого исполнения общественно значимых дел [10].

Таким образом, одно значение используется во внешних ситуациях взаимодействия с властью, ситуациях государственного «управления», другой смысл предназначен исключительно для себя, то есть это самоопределение людей, относящих себя к «интеллигенции»; средство символической консолидации, усиления групповой сплоченности (по меньшей мере, части) «специалистов и служащих». Второе значение неформально, поэтому не терминологично, неопределенно, его употребление предполагает сопровождающий аффективный жест, общие чувства «своих», «порядочных людей», соответственно, барьер в отношениях с другими — либо необразованными, либо непорядочными. Чем же отличается интеллигенция от тех, кого за рубежом называют «интеллектуалами», интеллектуальной элитой?

Организация интеллектуальной жизни в индустриальных странах с демократической представительской системой иная. Интеллектуал, то есть человек, живущий за счет своего интеллектуального капитала (компетентности в какой-то области или способности к производству нового), оценивает себя (и воспринимается другими) в первую очередь по своей функциональности. В самом общем виде можно указать на три основные функции интеллектуалов в современном обществе: систематическая инновация; критика и отбор наиболее важного и ценного; хранение и ретрансляция всего того, что составляет интеллектуальный ресурс общества [11]. Все вместе образует единую динамическую систему воспроизводства культуры, передачи идей, образцов поведения, оценок, стандартов вкуса и прочего от группы более специ-

ализированной к менее, но численно большей или статистически ниже стоящей, равно как и от поколения к поколению.

Инновация — это выработка, синтезирование новых идей, создание новых моделей действия, ценностей, политических программ, имеющих чисто индивидуальный и неповторимый характер. За инновацией потому и закрепляется собственное имя человека, ее автора, что она не имеет аналогов. От группы инноваторов зависит систематическое расширение умственных горизонтов общества, внесение новых смыслов в понимание реальности, появление новых точек зрения на происходящее.

Позитивную границу критике устанавливают хранители и кодификаторы интеллектуальных ресурсов, держатели нормы, исторической памяти — они-то и образуют третью функциональную группу интеллектуалов. Без эффективной системы ретрансляции и кодификации знаний невозможны ни устойчивость общества, ни его адаптация к изменяющимся условиям.

Иначе говоря, динамика общества зависит не только от мощности инновационного потенциала, но и от господствующих идей, которые могут стимулировать или подавлять его разработку, и от способности общества усваивать новое, то есть от того, какие стандарты ценностей, какие привычки, вкусы и убеждения интеллектуальной элиты обеспечивают необходимый момент устойчивости, стабильности и консерватизма.

Тех, кто демонстрирует наивысшие достижения в этих трех функциональных видах интеллектуальной деятельности, в западной социологии характеризуют общим словом «элита». Его значение очень сильно отличается от нашего словопотребления («властная верхушка»), хотя в языке существуют следы и других значений. Понятие «элита» на самом деле не предполагает принуждение и насилие со стороны власти, а только взаимодополнение, взаимосвязь в системе разделения труда и социальной дифференциации, то есть лишь признание индивидуального достижения в качестве образцового или обязательного для тех, кто ориентируется на данную систему ценностей или следует ей в своем поведении.

Поскольку формирование, «комплектование» элиты совершается только через признание индивидуального достижения, по результату, а не по статусу или роли, происхождению, то усилия элиты фокусируются практически на наиболее проблематизированных сферах культуры и социальной жизни. Элита (как и интеллектуалы в целом) рационализирует различные сферы человеческого существования, вносит в поток происходящего смысл и логическую упорядоченность, «расколдовывает», как говорит Макс Вебер, действительность, проясняя ее мифологические или рутинные стороны.

Тем самым интеллектуал — не просто высокообразованный человек, но специфически образованный, культивирующий в себе особую чувствительность к внутренним — моральным, логическим, доктринальным — коллизиям и ценностным противоречиям. Его отличает болезненная, даже невротическая неспособность принять «готовые ответы», общепринятые точки зрения или интерпретации, если они не устраняют антиномичности додуманного до логического предела вопроса (Ницше называл это «интеллектуальной честностью»). Оказываясь в трудноразрешимой ситуации, когда выбор, кажется, невозможен — во всяком случае, исходя из традиционных представлений, — интеллектуал не впадает в догматический

шок, протрацию (политическую, моральную, религиозную или какой-то иной природы), за которой может последовать лишь истерическая агрессия или умственная редукция к упрощенным схемам и концепциям, так свойственные популистской интеллигенции. Ведь интеллектуала делает интеллектуалом именно опыт парадоксальности мышления, развиваемый особой университетской средой обучения. Он включает не просто технику саморефлексии, методическую критики и самоанализа, но и историю форм иронического существования, навыки систематической релятивизации любых категорических суждений — неперенное условие антидогматической профилактики. Благодаря этому интеллектуал, оказываясь в антиномической ситуации, в состоянии подвергнуть рефлексии свой интеллектуальный ресурс и пересмотреть исходные ценностные основания. Разумеется, такого рода технику рационального самоконтроля можно найти и в других цивилизациях и культурных регионах, традициях, например, в дзен-буддизме с его приемами коанов, в христианской аскезе и др., но нигде эта техника не становится целью рационализации условий существования и мышления.

Западный интеллектуал как человеческий тип — явление столь же уникальное, как и индийский отшельник, ренессансный гуманист, средневековый мистик или китайский чиновник-литератор. Принципиальное отличие его от всех иных типов носителей интеллектуального начала (включая и российского интеллигента) состоит в том, что он являет собой носителя релятивистского духа европейской культуры — «модерности». Иначе говоря, жизнь интеллектуального героя выстраивается как проект его биографии, а не как серия случайных испытаний, провиденциальный смысл которых надлежит еще разгадать. Такой вариант развития самосознания приводит к тому, что более ранняя фаза интеллектуальной эмансипации — «этика убеждений» (то есть преданности тому или иному вероучению, идеологии, философской или эстетической системе, научным положениям) уступает место «этике ответственности» — сознанию личной ответственности за последствия своих идей, слов, действий, так как другой опоры для ориентации в мире у интеллектуала нет. Таким образом, европейский интеллектуал, постоянно экспериментируя со смыслами, идеями, табу или нормами существования, мифами и общепринятыми мнениями, неизбежно рационализирует различные обстоятельства своего существования.

Сегодня интеллектуализм обозначен как ведущее направление современной цивилизации, а интеллектуалы являются представителями этого направления. Но все-таки западная модель интеллектуалов при попытках ее переноса (пересадки, трансплантации) в российский социум в силу культурных различий подвергается определенной трансформации, что в итоге делает интеллигенцию непохожей на западную интеллектуальную элиту.

В реальности происходит постепенная и очень болезненная смена моделей отношений интеллигенции, интеллектуалов и общества. Полное воплощение эти модели получили лишь в истории Китая, но ничто не мешает воспользоваться ими как метафорами, поясняющими суть проблем, связанных с конверсией интеллигентов в интеллектуалов. В рамках «конфуцианской» модели интеллектуал сыт, прикормлен, находится на общественном содержании и причастен в определенной мере к принятию решений. В обмен на это он служит обществу, является частью административно-бюрократического аппарата. Такая мо-

дель была реализована в средневековом Китае, где чиновничий аппарат, как правило, совпадал с классически образованным классом. «Конфуцианской» моделью (с некоторыми оговорками и ограничениями) пользовались США, другие развитые страны. Очень близко к этой модели подошел Советский Союз.

В рамках «даосской» модели представитель образованного класса не получает целенаправленной поддержки общества, его связи с обществом случайны и уж во всяком случае не имеют никакого отношения к избранному им самим статусу «интеллектуала». Как следствие, для физического выживания этот интеллектуал должен обращаться к побочным заработкам, к помощи частных лиц (меценатов). Ради выживания такие автономные интеллектуалы могут прибегать к социальной самоорганизации, объединяясь на основе замкнутых сообществ или коммун (например, даосские или дзен-буддистские монастыри). Интеллектуал в подобных случаях живет исключительно на свой страх и риск, поскольку находится по ту сторону общественного добра и зла. «Даосская» модель вещь серьезная. Здесь человек интеллектуального труда вынужден принять за аксиому, что общество пренебрегает им, но взамен этого он получает духовную свободу. «Интеллектуал на некоторое время оказался без навязчивой опеки социума и получил маленькую, но вполне реальную возможность найти такие формы существования, которые больше соответствуют его природе и которые станут ему опорой в будущем, когда социум вновь призовет его к сотрудничеству» [12]. Это обязательно произойдет. Но тогда, когда это случится, уже интеллектуал будет диктовать условия для возрождаемого партнерства.

Здесь, по мнению английского историка А. Тойнби, действует модель Ухода и Возврата: «Творческая личность, уходя и выпадая из своего социального окружения, преобразуется, возвращается затем в то же самое окружение; возвращается, наделенная новыми способностями и творческими силами. Уход позволяет личности реализовать свои потенции, которые не могли бы найти выражения, подавленные пресом социальных обязательств, неизбежных в обществе» [13]. Духовная свобода, суверенность становятся главными в жизни интеллектуалов. Мы не отождествляем эту духовную свободу с эскапизмом и самоизоляцией. Речь идет о нравственной дилемме. Интеллектуал может быть аутсайдером или человеком, отстраненным от реальности, но при этом он будет говорить власти правду. Его сознание может быть наполнено скепсисом, но останется неослабно и постоянно связанным с рациональным исследованием и моральными суждениями [14].

Со своей стороны интеллигенция — единая творческая группа, привносящая социальные новшества, представляющая цвет общества в качестве просвещенной элиты. Это не привилегированность узких групп (замкнутых кругов), а особый ценностный слой, опровергающий сведение гражданской активности к значимости тех, кому удалось пробиться наверх. Пусть в редких случаях, но талантливые люди также должны достигать позиций власти. Ей, в свою очередь, следует быть причастной ко всему, что составляет действенно-практическое руководство обществом. Например, в российских условиях равноудаление олигархических группировок является попыткой «отогнать» власть предрержащих, установить разумную властно-политическую дифференциацию (хотя сегодня по-прежнему способный человек в условиях коррупционной власти — своего рода «подрывной элемент») [15].

В этой связи нельзя не вспомнить В. Ламсера, который вводит понятие субэлит, располагающихся между элитами и массами. Их роль состоит в том, чтобы опосредовать отношения между наивысшими элитами и неэлитным населением. Это значит, что различными путями следует поддерживать властный «верх» с целью предотвращения кризисов и одновременно обеспечивать элиту наиболее продуктивными членами взамен тех, кто начинает «выпадать» из нее. Подобное положение способно привести к появлению элит власти и элит влияния, которые в идеальном случае совпадают. Только в условиях резких трансформаций первая отделена от второй, но в негативном варианте правит и подавляет элита власти.

В этом случае появляется специфическое соотношение элиты и интеллигенции. Последняя апеллирует к публике как культурной аудитории, привлекая ее внимание и получая морально-психологическую поддержку. Но в условиях демократии публика становится массовой, когда ее уровень оказывается ниже существенного понимания политической жизни. Но во всех случаях настоящая интеллигенция свободна как от игры «на публику», так и от «покровителей», т.е. относительно автономна по отношению к разнобразию происходящих событий. В приоритетном смысле она представляет собой средоточие духовных драм и конфликтов. Однако, вовлекаясь в социально-политическую жизнь, интеллигенция оказывается не только на смысловом перепутье, но в атмосфере прямого столкновения идей и принципов. В результате у нее формируется особое самосознание, в частности убежденность в исключительности, собственной «элитарности», двойственных по своим проявлениям. Одна часть интеллигенции ощущает свою ответственность перед обществом и народом как «мозг и совесть» нации, другая — впадает в самопроизвольность поведения, доходящую до самоуверенности и высокомерия.

Конечно, это не значит, подчеркивает Л. Г. Ионин, что интеллигентные люди стоят в стороне от социальных идей и битв, но им не свойственно отождествлять себя с политическими лагерями. Это приводит к двойственности положения интеллигенции: она права и одновременно находится в проигрыше. «В том, что реализуется в истории что-то плохое, нет ее вины. В том, что реализуется что-то хорошее, нет ее заслуги». Не случайно настоящий интеллигент не связан накрепко ни с теми, кто находится на стремнине, ни с теми, кто туда не попал. Вместе с тем, конечно, акцентирующе подчеркивает Л. Г. Ионин, интеллигенция «всегда впереди исторического процесса: ведь она знает, что выигравшие проиграют, а проигравшие выиграют» [16].

И, наконец, в контексте этого параграфа, стоит сказать несколько слов о взглядах на данную проблему М. Фуко, который даже не употреблял слово интеллигенция, а писал об интеллектуалах. М. Фуко фигуру интеллектуала-специалиста противопоставляет интеллектуалу универсальному, который был «по преимуществу писателем: всеобщей совестью, свободным субъектом...» [17]. В своих заметках об интеллектуалах он делает упор именно на специализированные группы интеллигенции, а не на поборников высоких идей и принципов. Он пишет «...роль интеллектуала-специалиста должна становиться все более значимой в соответствии с той разнообразной политической ответственностью, которую ему волей-неволей приходится брать на себя в качестве атомщика, генетика, программиста, фармаколога и т.д.». Характерны также перечни специалистов: государственные

служащие и психиатры, врачи и социальные работники, сотрудники лабораторий и социологи, инженеры, должностные лица, преподаватели.

Фуко полагал, что сменилась форма союза интеллигенции с массами, но сам союз считал необходимым. Большое внимание уделяет он соединению качеств специалистов и защитников своих интересов как условию сплочения интеллектуалов, их единства с массами. Его интересовало, как изменяется социальное бытие интеллигенции и как меняются в связи с этим ее функции, отношения с массами и властью [18].

Интеллектуальное пространство является конечным количественным и качественным продуктом специфического рода деятельности — деятельности интеллектуальной, называемой умственным трудом. Интеллектуальный или умственный труд как специфический по своему содержанию и характеру известен с древнейших времен разделения труда на умственный и физический, и по мере научно-технического развития человечества, значение профессионального умственного труда постоянно возрастает. В странах Запада интеллектуальным трудом профессионально занимаются «интеллектуалы», так как здесь не сложилось единое религиозное пространство, а в XVI веке оно окончательно раскололось на католичество и многочисленные протестантские секты. В России, где умственный труд больше тысячелетия развивается в лоне единого религиозного православного пространства, под его воздействием сформировался особый социальный слой людей — интеллигенция.

Если общество заинтересовано в системном развитии, то без интеллигенции, интеллектуалов и элиты ему никак не обойтись. Постиндустриальное общество в силу повышенного динамизма развития информационных систем уже сегодня настоятельно требует интеллектуала другого, более универсального типа, которому не чужды проблемы не только естественной, но и культурно-нравственной, духовной экологии.

Библиографический список

1. Фирсов, Б. М. Интеллектуалы, власть и коммуникация [Текст] / Б. М. Фирсов // Социологический журнал. — 1995. — № 4. — С. 21 — 30.
2. Давыдов, Ю. Н. Уточнение понятия интеллигенция [Текст] / Ю. Н. Давыдов // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. — М., 1994. — С. 174.
3. Манхейм, К. Диагноз нашего времени [Текст] / К. Манхейм. — М., 1994. — С. 313.
4. Коган, Л. Интеллигенция [Текст] / Л. Коган, Г. Черпясская. — Екатеринбург, 1996. — С. 400.
5. Цицерон, М. Т. Философские трактаты [Текст] / М. Т. Цицерон. — М., 1985. — С. 110, 150.
6. Анинский, Л. Вытеснение интеллигенции [Текст] / Л. Анинский // Огонек. — 1992. — № 29 — 30. — С. 29.
7. Марцева, Л. М. Интеллектуалы и интеллигенция в интеллектуальном пространстве России [Текст] / Л. М. Марцева // IV Всероссийская научная конференция «Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство (провинция и центр): XX век», 27–28 сентября 2000г. — Омск : «Курьер», 2000. — С. 44–48, 144–145.
8. Колтаков, К. Г. Интеллигенция в начале XXI века [Текст] / К. Г. Колтаков, И. И. Москвичев. — Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2002. — 38 с.
9. Лосев, А. Ф. Страсть к диалектике [Текст] / А. Ф. Лосев. — М., 1990. — С. 46.
10. Лотман, Ю. М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) [Текст] / М. Ю. Лотман // Россия /

RUSSIA. Новая серия / под ред. Н. Охотина. — 1998. — Вып. 2(10). — С. 127—128.

11. Гудков, Л. Интеллигенты и интеллектуалы [Текст] / Л. Гудков // Знамя. — 1992. — № 3—4. — С. 203—206.

12. Корнев, С. Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры [Текст] / С. Корнев // Неприкосновенный запас. — 1998. — №1. — С. 18—21.

13. Тойнби, А. Постигание истории [Текст] / А. Тойнби. — М., 1991. — С. 267.

14. Бьорлинг, Ф. Whether tis nobler in the mind... Пастернак и нравственная дилемма послереволюционной интеллигенции [Текст] / Ф. Бьорлинг // Россия / RUSSIA. Новая серия / под ред. Н. Охотина. — 1998. — Вып. 2(10). — С. 95—103.

15. Поздняков, Н. К. Политическая элита, средний класс,

интеллигенция [Текст] / Н. К. Поздняков // Вестник Омского университета. — 2004. — № 4. — С. 63.

16. Ионин, Л. Г. Арифметика души: интеллигенция и власть [Текст] / Л. Г. Ионин // Свобода в СССР. — СПб., 1997. — С. 76.

17. Фуко, М. Интеллектуал в законе [Текст] / М. Фуко // Независимая газета. — 2002. — 3 октября.

18. Фуко, М. Интеллектуалы и власть [Текст] / М. Фуко. — М., 2000. — С. 135.

ГОРЧИЦКАЯ Елена Аркадьевна, преподаватель кафедры философии.

Статья поступила в редакцию 11.02.2009 г.

© Е. А. Горчицкая

УДК 312.28

Ю. С. ПЛОТНИКОВА

Омский государственный
технический университет

СЕМЬЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ НА ДОЛГОЛЕТИЕ

На основе результатов социологического опроса студентов вуза проанализировано влияние некоторых факторов семейной социализации на ориентации к долголетию. При анализе учитывались факторы: физическое и психологическое насилие со стороны родителей, образ жизни родителей, образование родителей, уровень доходов семьи. Установлена прямая зависимость образа жизни детей с образом жизни родителей.

Ключевые слова: долголетие, семейная социализация, образ жизни, ориентации на долголетие.

Долголетие (достижение человеком возраста 80 лет и старше) — один из важных показателей возрастной характеристики населения. Необходимо отметить, что все факторы долголетия до настоящего времени не выявлены. Анализ специальной научной литературы свидетельствует о том, что при рассмотрении феномена долголетия рассматриваются следующие аспекты:

- факторы, способствующие долголетию (биологические, социально-политические, социально-экономические, психологические);
- статистические показатели продолжительности жизни в разные исторические периоды;
- эволюция представлений ученых о старости и долголетию;
- «портрет долгожителя», составленный на основе исследований долгожителей Дагестана, Азербайджана, Абхазии, Якутии, Японии и др.;
- обзор социальной политики стран, где проживает большой процент долгожителей;
- отношение к долгожителю со стороны населения.

Однако практически не исследуются ценностные ориентации молодежи на долголетие. Одним из детерминантов, формирующих ценностные ориентации на долголетие, является семья. Она остается ведущим социальным институтом в формировании и развитии социально значимых ценностей и установок личности.

Признание долгой жизни как ценности должно происходить уже на этапе первичной социализации личности, когда закладываются основные нормы и

ценности, тогда есть вероятность, что всё дальнейшее поведение человека будет самосохранительным, будут снижаться риски «недоживания» до старости. Так как семья является первичным агентом социализации, именно она может значительно повлиять на желание жить или не жить долго.

Семье, как социальному институту, уделяется немало внимания при анализе феномена долгожительства. Важнейшие функции семьи (репродуктивная, экономическая, терапевтическая, организационно-досуговая и другие) способствуют сохранению здоровья, поддержанию психологического климата, адаптации при социальных проблемах, следовательно, продлению жизни.

В мае 2008 года нами проведен (с применением целевой выборки) социологический опрос 500 студентов (юношей — 55,3 %, девушек — 44,7 %) четвертого курса всех факультетов Омского государственного технического университета. Именно к четвертому курсу у большинства студентов складываются определенные представления, брачно-семейные ожидания, ценностные ориентации, актуализируются профессиональные интересы и перспективные жизненные планы.

Цель исследования — выяснение ориентаций студентов на долголетие. Метод сбора информации — анкетный опрос. Проведен одномерный и двумерный анализ результатов.

Одной из задач исследования было выявить влияние факторов семейной социализации на ориента-

Влияние материального положения семьи на ориентации к долголетию
(в процентах от числа ответивших)

Таблица 1

Как бы Вы оценили материальное благосостояние своей семьи?	Хотите ли Вы долго жить (больше 80 лет)			
	Да	Нет	Не знаю	%
живём от зарплаты до зарплаты, часто приходится занимать деньги	59,3	29,6	11,1	100,0
на повседневные расходы хватает, но покупка даже недорогой одежды представляет для нас трудности	63,6	25,5	10,9	100,0
в основном денег хватает, но для покупки товаров длительного пользования их надо копить	54,5	28,6	16,9	100,0
можем купить товары длительного пользования, но покупка машины, квартиры или дорогостоящий отпуск нам недоступны	51,3	23,5	25,1	100,0
в настоящее время мы можем практически ни в чём себе не отказывать	37,0	33,3	29,6	100,0

ции респондентов к долголетию. Результаты этой части исследования представлены в статье (данные представлены в процентах от числа ответивших).

По результатам опроса анализировалось влияние таких факторов на ориентации к долголетию: физическое и психологическое насилие со стороны родителей, образ жизни родителей, образование родителей, уровень доходов семьи, а также влияние образа жизни родителей на образ жизни детей.

В результате опроса выявилось, что желание жить долго присутствует у половины студентов, об этом свидетельствуют 53,4 % положительных ответов на вопрос «Хотите ли Вы жить долго? (Больше 80 лет)». Затруднились ответить 20,2 %, не хотят долго жить 26,4 % респондентов.

Наше исследование подтвердило известный научный факт: снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов (отрицательных характеристик) при описании матери соотносится с общим ростом негативизации всех социальных явлений, отношений [1]. Результаты исследования показали, что наибольшее влияние на отрицание долгой жизни оказывает психологическое и физическое насилие со стороны матери. Так, 70 % респондентов, к которым со стороны матери применялось постоянно психологическое насилие, не хотят долго жить. Тогда как среди студентов, к которым применялось постоянно психологическое насилие со стороны отца, отсутствует установка на долгую жизнь у 27,3 %. Аналогичная ситуация в случаях эпизодического физического насилия со стороны родителей: при применении со стороны матери отрицают своё долголетие 70 % респондентов, а со стороны отца — 27,8 %. При постоянном физическом насилии эти цифры соответственно равны 100 % и 66,7 %.

Существует незначительная зависимость установок на долголетие от таких форм поведения родителей, как употребление алкоголя и табакокурение. Респондентов, у которых матери постоянно употребляют алкоголь, в нашей выборке не оказалось, поэтому не удалось выявить взаимосвязь ориентации на долголетие с этим показателем. В случаях постоянного употребления алкоголя отцом не хотят жить долго 35,7 % респондентов. Если отец никогда или эпизодически употребляет алкоголь, отрицают своё долголетие 27,7 % и 23,4 % соответственно. Среди студентов, у которых мать постоянно курит сигареты, отрицают желание долго жить 39,6 % студентов, если мать никогда не курит сигареты — 24,1 %. Взаимосвязь установок на долголетие с табакокурением отца отсутст-

вует. Это связано, прежде всего, с тем, что в российском обществе по-прежнему табакокурение отца воспринимается как норма, а табакокурение матери наделяет её отрицательными характеристиками как со стороны общества, так и со стороны собственных детей. И как следствие, табакокурение матери является негативным фактором социализации личности.

Влияние материального положения родителей на ценностные ориентации к долголетию представлены в табл. 1: среди студентов, проживающих в семьях с высоким достатком, желающих жить долго значительно меньше, чем среди студентов из семей со средним и низким уровнем достатка. Примечательно, что среди долгожителей встречаются преимущественно небогатые люди, например, в России долгожители проживают в наиболее бедных регионах: Дагестане, Ингушетии, Якутии. Учёные объясняют долголетие бедных людей их умеренностью, но можно предположить, что если ценность жизни в бедных семьях выше, чем в богатых, то в бедных семьях существует ориентация на положительное самосохранительное поведение, что в дальнейшем и способствует долголетию.

Стаётся тогда открытым вопрос: почему в семьях с низким достатком ценность жизни выше, чем в семьях с высоким достатком?

Нами выявлено незначительное влияние образования родителей на желание долго жить, об этом свидетельствуют данные представленные в табл. 2.

Среди ответивших выявились студенты, в семьях которых есть долгожители (старше 80 лет) — 34,3 %. Однако желание жить долго практически в равной степени присутствует как у студентов, в семьях которых есть долгожители (50,3 %), так и у студентов, в семьях которых долгожителей нет (53,1 %). Вероятно, у той части студентов, которые не хотят долго жить при наличии родственника-долгожителя, существует негативный пример долгожительства: родственник или немощен, или одинок, или другое. Этот вопрос в будущем требует более детального изучения, необходимо это учитывать при дальнейших исследованиях.

Известный микробиолог-физиолог И. И. Мечников отмечал, что случаи долгожительства в одной семье объясняются не наследственностью, а общими для членов этой семьи условиями и образом жизни [3]. При изучении ценностных ориентаций на долголетие целесообразно проследить влияние образа жизни родителей на образ жизни респондентов. Так как образ жизни является одним из главных факторов долголетия, в тех семьях, где существует пример поло-

Таблица 2
Влияние образования родителей на отношение к продолжительности жизни
(в процентах от числа ответивших)

Образование матери	Хотите ли Вы долго жить (больше 80 лет)			
	Да	Нет	Не знаю	%
неполное среднее	66,7	33,3	0	100,0
среднее	60	13,3	26,7	100,0
начальное профессиональное	53,1	21,9	25	100,0
среднее специальное	52,7	26,9	20,4	100,0
высшее	54,8	27,2	18,0	100,0
кандидат, доктор наук	60	20	20	100,0
Образование отца	Хотите ли Вы долго жить (больше 80 лет)			
	Да	Нет	Не знаю	%
неполное среднее	61,5	30,8	7,7	100,0
среднее	51,6	25,8	22,6	100,0
начальное профессиональное	51,6	25,8	22,6	100,0
среднее специальное	51,6	29,7	18,8	100,0
высшее	57,1	23,1	19,8	100,0
кандидат, доктор наук	60	20	20	100,0

Таблица 3
Влияние образа жизни родителей на образ жизни детей
(в процентах от числа ответивших)

Употребление алкоголя родителями	Употребление алкоголя студентами		
	никогда	эпизодически	постоянно
1. мать никогда	28,1	67,8	4,1
2. отец никогда	30,1	66,0	3,8
3. мать эпизодически	9,5	89,3	1,2
4. отец эпизодически	15,5	81,9	2,5
5. мать постоянно	0,0	0,0	0,0
6. отец постоянно	20,0	80,0	0,0

Таблица 4
Влияние образа жизни родителей на образ жизни детей
(в процентах от числа ответивших)

Табакокурение родителей	Табакокурение студентов		
	никогда	эпизодически	постоянно
1. мать никогда	67,0	15,3	17,7
2. отец никогда	71,6	13,8	14,7
3. мать эпизодически	50,0	21,4	28,6
4. отец эпизодически	61,8	27,3	10,9
5. мать постоянно	44,0	20,0	36,0
6. отец постоянно	56,6	14,7	28,7

жительного самосохранительного поведения, происходит формирование ориентации на долгую жизнь. Для того чтобы выяснить влияние образа жизни родителей на образ жизни детей, были заданы вопросы: «Какие формы поведения для Вас характерны?» и «Какие формы поведения характерны для Ваших родителей?» (табл. 3, 4).

Большинство социологов утверждают, что люди почти не имеют врождённых моделей поведения [4]. Дети усваивают модели поведения своих родителей

[5]. Как показывают результаты нашего опроса, случаи постоянного и эпизодического употребления алкоголя и табакокурения значительно чаще среди студентов, у которых родители постоянно придерживаются таких форм поведения.

Анализ статистических зависимостей свидетельствует о том, что если мать или отец постоянно придерживаются здорового питания, то в этом случае 34,2 % и 40,6 % респондентов соответственно регулярно придерживаются здорового питания. Тогда как

если мать или отец никогда не придерживаются здорового питания, регулярно правильно питаются 3,8 % и 4,9 % соответственно. Среди респондентов, у которых матери или отцы постоянно занимаются спортом, регулярно придерживаются этой формы поведения 66,7 % и 56,9 % соответственно, у которых матери или отцы никогда не занимаются спортом — 26,9 % и 25 %.

Результаты исследования показали, что существует значительное влияние образа жизни родителей на образ жизни детей. Так как образ жизни является одним из главных факторов долголетия, то «зачатки» долгожительства происходят уже на этапе первичной социализации и родители своим примером положительного самосохранительного поведения значительно могут способствовать высокой продолжительности жизни своих детей.

При дальнейших исследованиях ценностных ориентаций молодёжи на долголетие:

— необходимо учитывать влияние типа семьи (полная, неполная, многодетная, приёмная и т.д.) на ориентации к долголетию,

— изучить причины отсутствия установок на долгую жизнь у молодёжи из обеспеченных семей.

На основе результатов социологического опроса студентов вуза были выявлены: наличие у половины респондентов ориентаций на долголетие; взаимосвязь некоторых факторов семейной социализации с ориентацией на долгую жизнь, а также влияние образа

жизни родителей на образ жизни детей. Полученные данные необходимы для дальнейших социологических и геронтологических исследований проблем долголетия человека и мотивов самосохранительного поведения. Результаты исследования также необходимы для сравнительного анализа с аналогичным ретроспективным исследованием долгожителей города Омска.

Библиографический список

1. Педагогика и психология ; под общей редакцией проф. А.А. Реана. — М. : 2008 [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www/edu-psy.ru>
2. Мечников И.И. Этюды оптимизма / И.И. Мечников. — М. : Наука, 1988. — 86 с.
3. Смелзер Н. Социология / Н.Смелзер ; перевод с англ. — М. : Феникс, 1994. — 148 с.
4. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс : перевод с англ. — М., 1999 [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www/PolBu.Ru>

ПЛОТНИКОВА Юлия Сергеевна, соискатель и старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы и политологии.

Статья поступила в редакцию 10.03.2009 г.

© Ю. С. Плотникова

УДК 364-78(71)

М. В. СТАНКОВА

Омский государственный
технический университет

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАНАДЫ)

В статье анализируется процесс становления в Канаде социальной работы как профессиональной деятельности. Новизна работы обусловлена недостаточной изученностью достижений зарубежной социальной работы в нашей стране. Выводы статьи рекомендуются использовать в учебном курсе при подготовке специалистов по социальной работе, а также в общей практике социальной работы, в том числе в Омском регионе.

Ключевые слова: социальная работа, благотворительность, профессиональная деятельность.

Появление социальной работы в Канаде произошло в конце XIX века, позднее, чем в Великобритании и Соединенных Штатах, с которыми ее связывают тесные политические, экономические и культурные связи, потому что экономика этой страны была преимущественно аграрной и здесь позже стал развиваться капитализм. Рассматривая становление социальной работы как профессиональной деятельности на примере Канады, можно выделить несколько этапов в этом процессе.

Первый этап связан с двумя общественными движениями второй половины XIX века, послужившими

основой появления социальной работы в Канаде: движением благотворительности, представленным Обществом организованной благотворительности и движением «домов поселения». Они одновременно появились в Англии, а затем в Соединенных Штатах и Канаде. В то время как цели этих движений были схожи, взгляды на мир и подходы к работе радикально отличались [1].

Участники движения благотворительности считали, что бедность — признак греховной жизни и ее облегчение — благое дело, что лучше помогать людям с проблемами, чем наказывать их или подвергать

остракизму. Развитие капитализма они рассматривали как естественное явление и ставили перед собой задачу помочь дезадаптированным людям приспособиться к окружающей среде.

Первое Общество по организации благотворительности (Charity Organization Society) было основано в Великобритании в 1869 году. Лидером этого движения был шотландский министр Томас Чалмерс. Первое североамериканское Общество по организации благотворительности открылось в Нью-Йорке в 1877 году. Аналогичная организация в Торонто появилась в 1888 году. К 1892 году филиалы общества существовали в 92 городах Северной Америки. Изначально они организовывали или координировали помощь нуждающимся, а не обеспечивали ее прямое оказание [2].

К 1910 году участвующие в работе общества волонтеры, ранее называемые «сочувствующими посетителями» (friendly visitors), стали именоваться социальными работниками (caseworkers). Они рассматривались как профессионалы и получали, хоть и незначительную, зарплату. На протяжении первой половины XX века произошла трансформация Обществ по организации благотворительности в современные агентства обслуживания семьи, функционирующие в данный момент в Канаде и Соединенных Штатах [3].

Влияние движения милосердия на социальную работу было огромно: возникло понимание того, что основой индивидуальной помощи, как метода социальной работы, являются межличностные отношения между социальным работником и клиентом. «Сочувствующие посетители» также полагали, что для выработки правильных действий необходимо верно оценить ситуацию клиента. Они заложили основы разработки процесса оказания помощи.

Движение «домов поселения» (settlement house movements) началось в конце 1800-х годов. Слово «поселение» в данном случае использовалось в смысле поселения в новый дом. «Поселения» были зданиями в трущобах, в которых жили и работали многие из участников движения. Участники движения видели причину бедности в капиталистической системе. «Поселения» выполняли две функции: первая заключалась в том, что некоторые из них добивались реформ, которые улучшали качество жизни бедных, и активно участвовали в политической жизни, считая благотворительную деятельность формой социального контроля, закрепляющей нищету. Поэтому участников движения «домов поселения» рассматривают как социальных реформаторов. В Канаде это направление деятельности было менее развито, чем в Великобритании и Соединенных Штатах. Вторая функция: обеспечение услуг жителям бедных районов. Часто участники движения «домов поселения» выступали как консультанты, помогая жителям окрестностей учреждения, столкнувшимся с социальной несправедливостью. Участники «домов поселения» часто использовали деятельность как средство для достижения другой важной цели, которая была завуалирована. Например, они могли организовать из нескольких женщин — эмигранток группу для пошива одежды, с целью помочь им изучать английский язык. Организаторы сообщества «домов поселений» Торонто создали в 1914 году хорошую детскую клинику, библиотеку для эмигрантов, каток и сотни других проектов для улучшения жизни неимущих [2].

В большинстве крупных канадских городов был, по крайней мере, один «дом поселения». Первый в Канаде «дом поселения» назывался «Евангелия» (Evangelia) и открылся в 1902 году в Торонто. В Канаде и Соединенных Штатах «дома поселения» в основном

занимались работой с эмигрантами. В Северной Америке работники «домов поселения» способствовали созданию детских садов, введению ювенальной юстиции, социального страхования, общедоступного медицинского страхования, организации профсоюзов, предоставлению материальных компенсаций рабочим. Участниками этого движения были заложены основы социальной работы с группой и в сообществе. Движение стало менее значимым с началом Первой мировой войны. В течение Большой депрессии «дома поселения» в Торонто обеспечивали материальную помощь нуждающимся (продовольствием, одеждой и другими товарами). К 1960 годам «дома поселения» в их первоначальном виде исчезли. Большинство оставшихся «домов поселений» стали общественными центрами (некоторые с плавательными бассейнами и гимнастическими залами), где люди могут встретиться с соседями и провести досуг.

Таким образом, к 1920 году в Канаде уже сформировались многие методы практической социальной работы, каждый из которых имел различные виды специализации. Например, существовали социальные работники в области здравоохранения (medical caseworkers), работники в области социального обеспечения (public welfare workers); социальные работники в области психиатрии (psychiatric caseworkers), работники в области коррекции (correction workers) и работники в области социального обеспечения детей (child welfare workers). Каждый вид деятельности был изолирован от других. Существовали профессиональные ассоциации специалистов в ограниченных сферах деятельности, но не было общего профессионального объединения социальных работников (social workers). Кроме того, методы практической социальной работы в разных провинциях Канады отличались до такой степени, что любая попытка сделать обобщение была невозможна. Однако к середине 1920-х годов некоторые ученые, характеризуя различные направления практической социальной работы, стали использовать такие понятия как «общая база» или «общая социальная работа». В 1926 году была создана Канадская ассоциация социальных работников (CASW), представляющая собой федерацию провинциальных ассоциаций. Канадская ассоциация социальных работников с ее провинциальными филиалами остается и до настоящего времени главной профессиональной организацией социальной работы в Канаде. Данное событие можно считать началом второго этапа в становлении социальной работы в стране. В это время социальная работа от периода добровольческих движений перешла к профессиональной деятельности [1].

С 1920-х до середины 1960-х годов развитие социальной работы в Канаде находилось под определяющим влиянием американской Национальной ассоциации социальных работников (NASW). Большинство канадских программ обучения социальной работе было аккредитовано американским Советом образования по социальной работе (CSWE), вследствие чего обучение социальной работе в Канаде дублировало свой американский аналог. Для получения полноценного образования студенты должны были посещать американские университеты. Причиной было отставание канадской системы профессионального образования в сфере социальной работы от американской.

Первая канадская университетская программа по социальной работе появилась в 1914 году в университете Торонто, на 11 лет позже первой американской программы. В Соединенных Штатах в 1920-х годах существовало уже много образовательных программ

специализации, а в 1939 году были аккредитованы университетские программы магистратуры. В университете Торонто только в 1947 году впервые в Канаде была присвоена степень магистра по социальной работе. Магистерский уровень образования в области социальной работы стал обычным в Канаде к 1960 году [1].

Хотя программы обучения социальной работе уже существовали в Канаде во многих университетах к концу 1940-х годов, дефицит профессионально подготовленных социальных работников в стране был в это время очень ощутимым. Ситуация не изменилась к лучшему в течение последующих 20 лет. В 1960 году Канадская ассоциация социальных работников потребовала, чтобы федеральное правительство предоставило специальное финансирование университетам для увеличения числа студентов, обучаемых этой специальности.

В 1960-е годы канадские университеты пережили период стремительного развития. Существование магистратуры по социальной работе как начальной ступени профессионального университетского образования, противоречащее образовательным стандартам других стран, стало рассматриваться скептически. К тому же некоторые магистерские программы фактически соответствовали уровню бакалавриата.

Большинство программ магистратуры представляли собой изучение одного или нескольких методов социальной работы (исследование условий жизни, групповой работы, организации сообщества), что не отражало реальной практики социальной работы. Преподаватели и практики в ходе многочисленных обсуждений этой проблемы пришли к выводу, что многие социальные работники фактически работают во всех трех областях. В стране чувствовалась нехватка социальных работников с университетским образованием. Канадские специалисты рассмотрели все эти проблемы достаточно серьезно и согласились, что необходимо изменить концепцию профессионального образования в этой области таким образом, чтобы образовательная система отличалась от существующей в Соединенных Штатах.

К началу 1970-х годов во многих канадских университетах, ведущих подготовку социальных работников, первой профессиональной степенью был бакалавр социальной работы (три или четыре года обучения). Некоторые из этих университетов ввели степень магистра социальной работы, основанную на бакалавриате. Несколько университетов, включая университет Торонто и университет Уилфрида Лорира в Ватерлоо провинции Онтарио, сохранили степень магистра социальной работы без введения бакалавриата, что было заметным отступлением от американской образовательной системы. В это время процесс аккредитации американским Советом образования по социальной работе не предусматривал бакалавриат и однолетнюю магистерскую степень.

Изменение канадского образования в области социальной работы, заключающееся в развитии бакалавриата, обусловило потребность канадских школ социальной работы в новом учебном плане. В 1967 году была создана Канадская ассоциация школ социальной работы (CASSW), поставившая перед собой цель установить стандарты учебного плана и аккредитовать новые бакалаврскую и магистерскую программы и уже существующую двухгодичную магистерскую программу. Процесс аккредитации под эгидой CASSW имел место уже к началу 1970-х годов в нескольких университетах, выпускавших бакалавров ранее, чем в конце 1960-х годов.

В 1969 году 460 магистров социальной работы закончили канадские университеты; в 1972 году — 1058 бакалавров и магистров получили высшее образование. Новые бакалаврские программы предусматривали этот рост числа выпускников. Университетские программы бакалавриата по социальной работе обычно требовали, согласно стандартам аккредитации Канадской ассоциации школ социальной работы, чтобы 40 — 50 процентов их учебных курсов приходилось на гуманитарные и социальные науки. Такое построение программы обосновывалось тем, что социальные работники должны быть широко образованными профессионалами. В 1970-е годы начался этап организационно независимого развития профессиональной социальной работы в Канаде.

Поскольку бакалавриат в Канаде развивался, программы социальной работы появились в колледжах. Некоторые из них имеют полный учебный план универсальной ориентации. Специалисты, закончившие обучение по этим программам, обычно получали диплом и работу во многих областях практической социальной работы, включая здравоохранение, психическое здоровье, социальное обслуживание детей и семей, социальную коррекцию. В большинстве колледжей программы направлены на подготовку профессионально квалифицированных специалистов в ограниченной области, например социальной помощи семьям и детям. В последние годы эти колледжи сформировали партнерские связи с университетами таким образом, чтобы значительная часть их кредитов засчитывалась при обучении в бакалавриате университетов.

С конца 1960-х годов модель университетского образования, представляющая собой получение степени бакалавра, а затем магистра, стала в Канаде нормой. Развитие магистратуры, основанной на бакалавриате, привело к коренному изменению в концепции самой социальной работы. Если до 1970 года большинство социальных работников получало специализированную подготовку, позволявшую им работать в отдельных областях социальной сферы, то теперь университеты ввели степень бакалавра универсальной подготовки. Программа подготовки магистра включала предметы специализации, но не ограничивалась ими. Решение развивать универсальное образование базировалось на убеждении, что все направления социальной работы имеют общую основу. Кроме того, многие члены профессионального сообщества утверждали, что социальные работники должны владеть методами работы в разнообразных областях. Это привлекло внимание к проблеме отсутствия согласованной общей теоретической основы универсальной практики социальной работы или очевидного способа ее формулировки.

Как и в США, теория социальной работы в Канаде на протяжении почти пятидесяти лет, начиная с 1920-х годов, находилась под влиянием фрейдистской и неопрейдистской, а затем интеракционистской теорий. К тому же в отличие от американской практики, канадская социальная работа испытала воздействие британского социализма, который развивал идеологию государства всеобщего благосостояния.

К 1950-м годам интерес к внутреннему миру человека в литературе по социальной работе снизился. В 1957 году Элен Перлман связала изучение условий жизни с ролевой теорией и переместила центр внимания на окружающую среду. В конце 1950-х годов Национальная ассоциация социальных работников создала комиссию, чтобы вновь изучить общую базу практической социальной работы. Работа этой ко-

миссии стала отправной точкой для статей Бартлетта и Гордона, опубликованных в 1960-е годы. Они заложили базу для теории социальной работы, основанной на изучении взаимодействия человека с окружающей средой. Целый ряд канадских университетов в 1970-е годы выбрал концепцию, основанную на системном и экологическом подходах, предложенных Гордоном и Бартлеттом. В 1980–1990-е годы Мейер, Жермен и Життерман сформулировали экосистемный подход к социальной работе [1].

Середину 1980-х годов можно считать началом нового этапа в развитии социальной работы Канады. Если ранее теоретические модели и подходы социальной работы в Канаде были главным образом заимствованы из Соединенных Штатов, то в дальнейшем они стали развиваться независимо. Это особенно касается трех подходов к социальной работе (базирующегося на культуре аборигенов, структурного и феминистского), которые соответствуют специфике канадского менталитета. Однако единой универсаль-

ной теории практической социальной работы не существует до сих пор.

Библиографический список.

1. Heinonen, T. Social work practice: Problem Solving and Beyond/ T. Heinonen, L. Spearman. — 2nd ed. — Toronto: Nelson, 2006. — 366 p.
2. Irving, A. Neighbors: Three social settlements in downtown Toronto/ A. Irving, H. Parsons, D. Bellamy. — Toronto: Canadian Scholars-Press, 1995. — 215 p.
3. Wills, G. A marriage of convenience: Business and social work in Toronto 1918-1957/ G. Wills. — Toronto: University of Toronto Press, 1995. — 350 p.

СТАНКОВА Марина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и политологии.

Статья поступила в редакцию 26.05.2009 г.

© М. В. Станкова

УДК 364

**Е. М. КУЗНЕЦОВА
Т. В. ЩИТОВА**

Омский государственный
технический университет

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ: РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В 1992–2003 гг.

В статье рассматривается становление современной системы социальной защиты населения на территории Омской области. Проанализировано одно из основных направлений деятельности в 1992–2003 гг.: развитие социального обслуживания.

Ключевые слова: социальная защита населения, социальное обслуживание населения.

Социальная сфера, по сравнению с другими сферами функционирования общества, наиболее чувствительна к различным преобразованиям, происходящим в стране, что, в первую очередь, сказывается на уровне и качестве жизни граждан. Кризис политической и экономической сфер российского государства начала 90-х годов XX века обусловил кризис и социальной сферы, в частности той части, которая представляет собой систему социальной защиты населения.

Советская система социальной защиты населения, главной задачей которой было социальное обеспечение граждан (что, собственно, и отражалось в названии территориальных органов — собесы), к концу 1991 г. завершила свое существование. С 1992 года началось формирование российской системы социальной защиты населения. В Омской области формировалась региональная подсистема. В соответствии с постановлением главы администрации Омской области от 27 декабря 1991 г. № 66-П «Об организации комитетов, управлений, отделов администрации Омской области», на базе бывшего Управления социального обеспечения было организовано Управление

социальной защиты населения Омской области¹. Основными направлениями деятельности Управления являлись: назначение и выплата государственных пенсий и пособий, организация социального обслуживания граждан, проведение медико-социальной экспертизы, реабилитации инвалидов и оказание протезно-ортопедической помощи и др. [1].

Главной особенностью начального этапа становления современной системы социальной защиты населения стало формирование сети учреждений социального обслуживания нестационарного и полустационарного типов. Следует отметить, что во второй половине 80-х гг. XX в. при Нежинском доме-интернате было создано отделение социальной помощи на дому одиноким нетрудоспособным гражданам и был открыт первый территориальный центр социального обслуживания населения². Вместе с тем, как в России, так и в Омской области, масштабное развитие сети нестационарных и полустационарных учреждений социального обслуживания началось с 1992 г.

В СССР социальное обслуживание населения осуществлялось в форме стационарного обслуживания, существовала сеть учреждений стационарного типа:

Таблица 1
Динамика численности граждан, проживающих в специальных домах

Год	1992	1995	1998	2001
Численность граждан	12	108	291	439

Таблица 2
Отделения социального обслуживания на дому (по г. Омску и Омской области)

Год	1990	1991	1993	1995	1996	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Число отделений	43	58	121	169	182,5	164	173	173	183	185	213
Численность обслуженных за год	4133	5630	10051	более 12 000	14991	12375	14030	13313	более 13000	14972	17117

дома-интернаты для престарелых и инвалидов, для умственно отсталых детей, психоневрологические и др. По данным за 1991 г. в Омской области функционировало 14 домов-интернатов различной направленности, число фактически развернутых койкомест составляло 4535³.

Кроме того, с 1991 г. в Омской области начала формироваться сеть специальных жилых домов для граждан пожилого возраста и инвалидов. Этому способствовало утверждение Министерством социальной защиты населения и Комитетом по муниципальному хозяйству РФ примерного Положения «О специальном доме для одиноких престарелых». С принятием в 1995 г. Федерального закона «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» количество специальных жилых домов значительно выросло. По состоянию на 1 октября 1999 г. в области функционировал 21 специализированный дом⁴. Однако численность граждан, нуждающихся в посторонней помощи, значительно превышала возможности существующей системы. Динамика численности граждан, проживающих в специальных домах, представлена в табл. 1⁵.

Необходимость формирования сети учреждений нестационарного социального обслуживания, внедрения новых форм работы была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, вследствие бедности значительной части населения страны существовала высокая потребность граждан в получении социальных услуг. Во-вторых, формировалась нормативно-правовая база, регулирующая механизм предоставления социальных услуг населению. В 1993 г. была принята Конституция РФ, закрепившая основные права и свободы граждан, в том числе социальные. В 1995 г. приняты Федеральные законы «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» и «Об основах социального обслуживания населения в РФ». Главной задачей указанных законов являлось регулирование отношений в сфере социального обслуживания граждан, установление экономических, социальных и правовых гарантий для граждан.

Создание сети учреждений нестационарного и полустационарного социального обслуживания в регионе осуществлялось по нескольким направлениям: социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов, социальная помощь семьям и детям, социальная помощь дезадаптированным гражданам. В работе учреждений применялись разные формы и методы предоставления социальных услуг населению.

С мая 1992 г. служба социальной помощи на дому, функционировавшая на базе Нежинского территориального центра, была передана в районные отделы социальной защиты г. Омска⁶, что уже в следующем году обусловило значительное увеличение количества отделений и числа обслуживаемых. Тогда же было положено начало развитию служб социальной помощи на дому и в районах области. Как правило, службы социальной помощи на дому функционировали на базе территориальных (районы, город) отделов социальной защиты населения.

Приказом начальника Управления социальной защиты населения Омской области от 21 сентября 1993 г. № 137 было утверждено Положение об отделении социальной помощи на дому. Положением устанавливались максимальные сроки предоставления услуг социально-бытового обслуживания на дому, условия создания указанной специализации, определен перечень социально-бытовых услуг, оказываемых отделениями и условия их предоставления, описан механизм зачисления на социальное обслуживание на дому, установлены нормы по численности обслуживаемых одним социальным работником. Услуги, предоставляемые отделениями, были востребованы населением. Однако во второй половине 1997 г. численность обслуживаемых в отделениях сократилась, что было обусловлено введением оплаты за получение социальных услуг на дому⁷.

В 1998 г. экономический кризис способствовал дальнейшему снижению численности обслуживаемых и уменьшению количества отделений. В условиях кризиса у региональной власти не хватало средств для финансирования деятельности отделений социальной помощи на дому. В целом динамика числа отделений социального обслуживания на дому и численности обслуживаемых представлена в табл. 2⁸.

Созданию сети учреждений нестационарного социального обслуживания населения способствовало также утверждение в 1993 г. Министерством социальной защиты РФ Примерного положения о центре социального обслуживания, в котором были обозначены основные задачи, направления деятельности центров и их структурных подразделений, штатное расписание. Первоначально в Омском регионе центры были созданы в Куйбышевском, Центральном, Советском округах г. Омска и в Называевском районе области⁹. Главной причиной, тормозившей открытие центров в сельских районах, являлась нехватка ресурсов (финансовых, материальных и кадровых).

Количество центров социального обслуживания населения (по г. Омску и Омской области)

Таблица 3

Год	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Кол-во	1	1	4	9	9	10	12	12	12	14	13	16

Отделения (службы) срочного социального обслуживания населения
(по г. Омску и Омской области)

Таблица 4

Год	1992	1993	1996	1998	1999	2000	2001
Число отделений (служб)	1	33	38	37	37	38	37
Численность обслуженных за год	52	6878	21186	49336	72472	62788	94267

Специализированные отделения социально-медицинского обслуживания
граждан пожилого возраста и инвалидов на дому (по г. Омску и Омской области)

Таблица 5

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Число отделений	12,5	13,5	13	18	27,5	40,5
Численность обслуженных за год	778	917	857	985	1330	2170

В табл. 3¹⁰ представлена динамика создания центров. В целом она имеет положительную направленность, за исключением 2002 г., когда количество центров уменьшилось по сравнению с 2001 г. и составило 13. Стоит отметить, что к концу исследуемого периода характерной чертой центров стала их многопрофильность — на базе центров предоставлялись разнообразные по видам и формам услуги: организация питания, быта и досуга, социально-медицинские и санитарно-гигиенические услуги, содействие в трудоустройстве, правовые услуги и др. В городе и области были созданы комплексные центры, являющиеся наиболее оптимальным видом учреждения социального обслуживания населения нестационарного типа.

С 1992 г. начинает формироваться служба срочной социальной помощи. Приказом Министерства социальной защиты населения РСФСР от 4 февраля 1992 г. № 21 утверждено Положение о территориальной службе срочной социальной помощи. В соответствии с положением и на основании приказа начальника Управления социальной защиты населения от 25 марта 1992 г. № 34 «Об открытии службы срочной социальной помощи», на базе Нежинского территориального центра была создана городская служба срочной социальной помощи¹¹. Позже службы (отделения) открывались при районных отделах социальной защиты и центрах социального обслуживания. Основными направлениями деятельности служб являлись: предоставление необходимой информации и консультаций по вопросам социальной помощи, обеспечение бесплатным горячим питанием или продуктовыми наборами, одеждой, обувью, оказание материальной и экстренной психологической помощи и др.

Согласно данным табл. 4¹², с 1992 по 1999 гг. наблюдался рост численности получателей неотложной помощи разового характера. В 2000 г. тяжелая ситуация, в которой находилась вся система социального обслуживания области (низкий уровень заработной платы, несвоевременная ее выплата и т.п.), привели к массовому увольнению социальных работников. Во многих районах области в штате отделений был только один работник — заведующий. Вследствие чего отделения

срочного социального обслуживания не выполняли свои функции в полном объеме, не расширялся перечень предоставляемых услуг. Поэтому в 2000 г. численность обслуживаемых была ниже, чем в предыдущий год.

Начало созданию отделений специализированной помощи на дому было положено в 1994 г. Отправной точкой стал приказ Министерства социальной защиты населения РФ от 27 декабря 1994 г. № 259. В регионе на основании приказа начальника Управления социальной защиты населения и Примерного положения об отделении специализированной помощи на дому, утвержденного в 1995 г., стали открываться первые отделения специализированной помощи на дому¹³. К задачам отделений были отнесены: оказание гражданам квалифицированного общего ухода, социально-бытовой и доврачебной медицинской помощи на дому; наблюдение за состоянием здоровья обслуживаемых граждан; оказание морально-психологической поддержки обслуживаемым гражданам и членам их семей; обучение родственников обслуживаемых граждан практическим навыкам общего ухода за больными.

Первое отделение было открыто в 1995 году в Куйбышевском районе г. Омска¹⁴. Отделения организовывались в центрах социального обслуживания, а при их отсутствии — в районных (городских) отделах социальной защиты населения. Как видно из табл. 5¹⁵, в конце XX — начале XXI вв. наблюдалась положительная динамика в рассматриваемом направлении: в 2002 — 2003 гг. численность обслуживаемых росла более высокими темпами, чем в 90-е гг., поскольку велась активная работа по созданию подобных отделений в районах области.

Итак, одним из направлений деятельности региональных органов социальной защиты населения в рассматриваемый период являлось создание и развитие сети учреждений социального обслуживания нестационарного и полустационарного типов. Другим важнейшим направлением, начало которому было положено в 1992 г., являлось создание специализированных учреждений помощи отдельным категориям граждан.

Проводимые в последние десятилетия реформы ударили по институту семьи. Резкая дифференциация

доходов граждан, ухудшение качества жизни привели к тому, что семья оказалась не в состоянии проявлять достаточную заботу о своих детях. Плохое выполнение родительских обязанностей нередко создавало условия, опасные для жизни и развития детей. Вполне закономерным в такой ситуации являлся тот факт, что с 1992 года, наряду с формированием сети нестационарных учреждений социального обслуживания, начала проводиться работа по организации деятельности специализированных отделений и учреждений социальной помощи семье и детям.

Действенным фактором в этом направлении стало принятие Указа Президента РФ «О мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы», в котором органам исполнительной власти на местах рекомендовалось создавать и укреплять территориальную сеть учреждений нового типа: центров социальной помощи семье, психолого-педагогических консультаций, центров реабилитации детей-инвалидов, центров планирования семьи, центров усыновления, опеки и попечительства, социальных гостиных, приютов и др. [2].

Не менее важную роль сыграл и Указ Президента РФ «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» [3]. В соответствии с Указом, органам исполнительной власти в 1993 – 1994 гг. было рекомендовано образовывать в структуре органов социальной защиты населения специализированные учреждения (службы) для работы с несовершеннолетними, нуждающимися в социальной реабилитации. В результате в 1993 г. в структуре Управления социальной защиты населения Омской области был образован отдел социальной защиты семьи, материнства и детства и начата работа по созданию системы учреждений социального обслуживания семьи и детей [1].

В 1993 г. центры социально-психологической помощи семье и детям были открыты только в Большереченском и Москаленском районах¹⁶. Сдерживание процесса развития учреждений указанного типа было обусловлено отсутствием помещений и финансовых средств, а также недопониманием роли и значимости таких учреждений¹⁷.

1994 год был провозглашен Международным годом семьи. Это дало определенный положительный импульс в работе органов социальной защиты в указанном направлении. Для оказания своевременной квалифицированной психологической, социально-педагогической, медико-социальной, юридической, реабилитационной, профилактической и других видов помощи социально не защищенным слоям населения в городе Омске в соответствии с постановлением главы администрации Омской области [4] и приказом начальника Управления социальной защиты населения Омской области «О создании областного центра социальной реабилитации несовершеннолетних (с приютом)», был создан областной центр социальной реабилитации несовершеннолетних (с приютом на 50 мест)¹⁸; а также в соответствии с постановлением главы администрации Омской области [5] и приказом начальника Управления социальной защиты населения Омской области «О создании областного центра социальной помощи семье и детям (с социальной гостиницей)» создан областной центр социальной помощи семье и детям (с социальной гостиницей на 25 мест)¹⁹.

В 1994 г. начали работу центры социальной помощи семье и детям в Называевском районе области, Куйбышевском и Центральном районах г. Омска²⁰. В целом услуги социального обслуживания семьям и

детям предоставлялись как на базе специализированных учреждений — центров социальной помощи семье и детям, социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, так и на базе комплексных центров социального обслуживания населения. С 1998 года в структуре системы социальной помощи семье и детям появляется новый тип учреждений — реабилитационные центры для детей с ограниченными возможностями здоровья.

В 1998 г. уделялось значительное внимание организации работы отделов и центров по практической помощи социально незащищенным семьям и детям. Разработана и утверждена областная целевая программа «Развитие социального обслуживания семьи и детей на 1998 – 2000 гг.». В рамках реализации программы в Красноярско-Чернолучинской зоне отдыха был создан областной центр реабилитации, оздоровления и отдыха детей с ограниченными возможностями²¹. В 1998 г. совместно с Управлением внутренних дел, Управлением здравоохранения, комитетом труда и занятости администрации Омской области была разработана «Комплексная программа мер по профилактике бродяжничества и попрошайничества в Омской области на 1999 – 2000 гг.».

Принцип программно-целевого финансирования и развития социальной сферы применялся в Российской Федерации с середины девяностых годов. В разные годы мероприятия социальных целевых программ были направлены на такие категории граждан, как молодежь, несовершеннолетние и дети, инвалиды, представители старшего поколения, неполные семьи. На конец 2003 г. в Омской области было реализовано более пяти программ по указанным направлениям, приняты целевые программы Омской области «Социальная поддержка инвалидов» на 2004 – 2008 годы, «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» на 2004 – 2006 годы и др.

В 2003 г. в области насчитывалось 20 учреждений, специализировавшихся на предоставлении социальных услуг семьям и детям (центры социальной помощи семье и детям (7), социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних (9), социальные приюты (2), реабилитационные центры для детей с ограниченными возможностями (2)), в структуре еще 12 учреждений функционировали отделения по работе с семьей и детьми [6]. Динамика количества учреждений социального обслуживания семьи и детей представлена в табл. 6²², динамика численности обслуживаемых — в табл. 7²³.

В 1992 – 2003 гг. также создавались специализированные учреждения социальной помощи для дезадаптированных граждан (лиц без определенного места жительства и занятий, попавших в экстремальные ситуации, освободившихся из мест лишения свободы и др.). В 1993 г. был организован Центр социальной адаптации для лиц, вернувшихся из мест лишения свободы (на 60 мест)²⁴. В 1994 г. он был реорганизован в областной центр реабилитации дезадаптированных групп населения в соответствии с приказом начальника Управления социальной защиты населения Омской области от 5 мая 1994 г. № 60 «О создании областного центра реабилитации дезадаптированных групп населения»²⁵.

В 1996 году центр в целях исполнения постановления главы администрации (губернатора) Омской области «О мерах по развитию сети учреждений социальной помощи для лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определенного места жительства и занятий» [7] приказом по Управлению социальной защиты населения от 8 апреля 1996 г. № 334-К получил

**Учреждения (отделения) социального обслуживания семьи и детей
(по г. Омску и Омской области)**

Год	1994	1995	1996	1999	2000	2001	2002	2003
Число учреждений	6	10	10	14	15	21	28	32

Таблица 6

**Деятельность учреждений социального обслуживания семьи и детей
(по г. Омску и Омской области)**

Год	1994	1995	1996	1999	2000	2001
Численность обслуженных за год: семей	432	2341	4790	22886	24423	33378
человек (единичных)	737	5768	9949	82254	78883	108290
несовершеннолетних	312	3739	6647	43019	45613	58651

Таблица 7

новый статус — стал Областным центром социального обслуживания населения, что значительно расширило его потенциальные возможности. Однако из-за финансовых трудностей в полную силу центр заработал только в 2003 г., когда наряду с отделением срочной социальной помощи (с социальной гостиницей), отделением социальной адаптации для лиц, вернувшихся из мест лишения свободы, заработало и отделение ночного пребывания для лиц без определенного места жительства.

Учреждения социального обслуживания нестационарного и полустационарного типов в большинстве своем входили в муниципальную систему социальных служб и имели статус муниципальных учреждений. С вступлением в силу 122-ФЗ от 22 августа 2004 г. (так называемый Закон «О монетизации льгот») муниципальная система социального обслуживания была ликвидирована, начался процесс перевода всех учреждений социального обслуживания в статус государственных учреждений. Закрепление полномочий по организации функционирования системы социального обслуживания за субъектами РФ способствовало развитию сети учреждений социального обслуживания. Пик пришелся на 2005 год, когда учреждения социального обслуживания стали функционировать в каждом районе области и во всех округах г. Омска. Общая численность учреждений социального обслуживания в регионе на начало 2008 года составила 79, в том числе 39 центров социального обслуживания, 17 стационарных учреждений социального обслуживания, 2 реабилитационных центра для детей и подростков с ограниченными возможностями, 13 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, 8 центров социальной помощи семье и детям [8].

Становление региональной системы социальной защиты населения во многом способствовало решению проблем социального характера в регионе. Формирование и развитие сети учреждений социального обслуживания нестационарного и полустационарного типов в 1992 — 2003 гг. являлось одним из основных направлений социальной защиты населения.

Примечания

¹ Государственный архив Омской области (далее ГАОО). Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1290. Л. 1.

² ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1192. Л. 52.

³ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1302. Л. 1.

⁴ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1565. Л. 109.

⁵ Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской области за 2007 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2008. — Вып. 6. — С. 66 [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.omskmintrud.ru>

⁶ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1425. Л. 13.

⁷ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1530. Л. 19.

⁸ Составлено по: ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1: Д. 1254. Л. 1; Д. 1303. Л. 8; Д. 1396. Л. 1; Д. 1477. Л. 48; Д. 1492. Л. 52; Д. 1545. Л. 45; Д. 1576. Л. 62; Д. 1614. Л. 48; Д. 1661. Л. 44 б; Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской области за 2003 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2004. — Вып. 2. — С. 26. — <http://www.omskmintrud.ru>; Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской области за 2004 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2005. — Вып. 3. — С. 61. — <http://www.omskmintrud.ru>; Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской области за 2005 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2006. — Вып. 4. — С. 52. — <http://www.omskmintrud.ru>

⁹ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1: Д. 1451. Л. 7.

¹⁰ Составлено по: ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1: Д. 1348. Л. 39; Д. 1396. Л. 1; Д. 1451. Л. 36; Д. 1477. Л. 2; Д. 1492. Л. 52; Д. 1530. Л. 80; Д. 1545. Л. 45; Д. 1576. Л. 62; Д. 1614. Л. 48; Д. 1661. Л. 44 б; Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской области за 2005 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2006. — Вып. 4. — С. 51 [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.omskmintrud.ru>

¹¹ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1338. Л. 32.

¹² Составлено по: ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1: Д. 1492. Л. 52; Д. 1545. Л. 45; Д. 1576. Л. 62; Д. 1614. Л. 49; Д. 1661. Л. 45.

¹³ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1452. Л. 18.

¹⁴ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1451. Л. 189.

¹⁵ Составлено по: ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1: Д. 1545. Л. 45; Д. 1576. Л. 62; Д. 1614. Л. 49; Д. 1661. Л. 44 б; Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской области за 2004 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2005. — Вып. 3. — С. 61. — <http://www.omskmintrud.ru>

¹⁶ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1425. Л. 25.

¹⁷ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1425. Л. 26.

¹⁸ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1426. Л. 47.

¹⁹ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1426. Л. 49.

²⁰ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1451. Л. 9.

²¹ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1565. Л. 19.

²² Составлено по: ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1: Д. 1436. Л. 3; Д. 1463. Л. 13; Д. 1492. Л. 66; Д. 1576. Л. 36; Д. 1614. Л. 15; Д. 1661. Л. 22; Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской об-

ласти за 2003 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2004. — Вып. 2. — С. 4. — [http:// www.omskmintrud.ru](http://www.omskmintrud.ru); Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской области за 2004 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2005. — Вып. 3. — С. 27. — [http:// www.omskmintrud.ru](http://www.omskmintrud.ru); Итоги работы Министерства труда и социального развития Омской области за 2005 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2006. — Вып. 4. — С. 29. — [http:// www.omskmintrud.ru](http://www.omskmintrud.ru)

²³ Составлено по: ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1436. Л. 3; Д. 1463. Л. 13; Д. 1492. Л. 66; Д. 1576. Л. 37; Д. 1614. Л. 16; Д. 1661, Л. 23.

²⁴ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1425. Л. 26.

²⁵ ГАОО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 1426. Л. 43.

Библиографический список

1. Постановление Главы администрации Омской области от 6 января 1993 г. N 4-п «О Положении об Управлении социальной защиты населения администрации области» // Справочно-правовая система «Гарант» (далее — СПС «Гарант»).
2. Указ Президента РФ от 1 июня 1992 г. № 543 «О мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы» / Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — 1992. — 11 июля. — № 23. — Ст. 1276.
3. Указ Президента РФ от 6 сентября 1993 г. № 1338 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» / Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — 13 сентября. — № 37. — Ст. 3449.

4. Постановление главы администрации Омской области от 19 апреля 1994 г. № 173-П «О создании областного центра социальной реабилитации несовершеннолетних» // СПС «Гарант».

5. Постановление главы администрации Омской области от 24 мая 1994 г. № 238-П «О создании областного центра социальной помощи семье и детям (с социальной гостиницей)» // СПС «Гарант».

6. Итоги работы органов социальной защиты населения Омской области за 2003 г.: информационно-аналитический бюллетень. — Омск, 2004. — Вып. 2. — С. 4 [электронный ресурс]. — Режим доступа: [http:// www.omskmintrud.ru](http://www.omskmintrud.ru)

7. Постановление главы администрации (Губернатора) Омской области от 22 февраля 1996 г. № 99-П «О мерах по развитию сети учреждений социальной помощи для лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определенного места жительства и занятий» // СПС «Гарант».

8. Времен связующая нить / сост. Н. Булычева. — Тюмень : Сити-пресс, 2008. — С. 43.

КУЗНЕЦОВА Елена Мартуновна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы и политологии.

ЩИТОВА Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы и политологии.

Статья поступила в редакцию 10.02.2009 г.

© Е. М. Кузнецова, Т. В. Щитова

Книжная полка

Неживых, Н. А. Информационные технологии в социальной сфере [Текст] : конспект лекций / Н. А. Неживых ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2008. — 84 с. : табл. — Библиогр.: с. 84. — ISBN 978-5-8149-0638-0.

Рассмотрены основные направления технологизации информационного пространства социальной сферы в современных условиях и опыт практического использования информационных технологий в различных областях социальной работы России и Омской области.

Предназначен для студентов специальности 040101 «Социальная работа» заочной и дистанционной форм обучения.

По вопросам приобретения — (3812) 65-23-69

E mail: libdirector@omgtu.ru

Анурин, В. Ф. 300 тестов по социологии [Текст] : учеб. пособие / В. Ф. Анурин. — СПб. [и др.] : Питер, 2008. — 138 с. : табл. — (Учебное пособие). — Библиогр. в середине кн. — ISBN 978-5-469-01536-9.

Предлагаемое учебное пособие содержит контрольные тесты, предназначенные для проверки уровня знаний студентов. Они определяют степень усвоения и понимания учащимися материала таких учебных дисциплин, как общая и прикладная социология. Структурно пособие включает в себя три основных раздела: контрольные вопросы, ключи (указание номеров правильных вариантов ответов на каждый вопрос) и комментарии к ключам.

Пособие адресовано студентам, изучающим социологию, а также преподавателям.

Золотарева, Т. Ф. Практика в системе подготовки специалистов социальной работы в вузе [Текст] : учеб.-метод. пособие для вузов по специальности «Социальная работа» / Т. Ф. Золотарева ; Рос. гос. соц. ун-т. — 3-е изд. — М. : Дашков и К, 2008. — 125 с. : табл. — ISBN 978-5-91131-695-2.

В работе обсуждаются основные проблемы подготовки специалистов социальной работы. Приводится авторская программа практики для вузов, рекомендации по ее проведению в процессе обучения студентов в вузах. Для преподавателей социальной работы и социальной педагогики, студентов и аспирантов.